

С. С. Лазарян, М. А. Черноталова

Глобальная угроза роста неравенства

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов тенденции роста неравенства доходов в мире. Исследования показывают, что, хотя неравенство способно влиять на экономическое развитие и положительно и отрицательно и оба канала находят эмпирическое подтверждение, отрицательное воздействие неравенства на экономический рост доминирует. При этом на протяжении четверти века глобальные тенденции в отношении неравенства формируются прежде всего развитием технологий и в меньшей степени международной интеграцией. Статистические данные говорят о том, что масштаб реализации негативного влияния этих процессов на неравенство в странах разнороден, и в половине развитых стран мы не можем констатировать существенный рост неравенства на горизонте последних 25 лет. Учитывая, что технологический прогресс, автоматизация и — в определенной степени — торговая и финансовая интеграция будут развиваться все более активно, стоит ожидать более серьезного роста неравенства в среднесрочной перспективе. Важнейшими составляющими политики по ограничению негативных последствий роста неравенства должны стать улучшение качества институциональной среды и обеспечение доступа к качественному образованию, медицинским услугам и другим составляющим человеческого капитала для наименее обеспеченных слоев населения.

Ключевые слова:

распределение доходов, неравенство, индекс Джини, технологический прогресс, глобализация

JEL: O15

Динамика неравенства последних 25 лет характеризуется двумя процессами. Первый заключается в том, что глобальное неравенство сокращается. По оценкам Всемирного банка, глобальный индекс Джини, учитывающий неравенство доходов между гражданами различных стран, сократился с 69,7 в 1988 г. до 66,8 в 2008 г., а затем до 62,5 в 2013 г. [1]. За данным явлением, согласно анализу К. Лакнера и Б. Милановича, стоят высокие темпы экономического роста в когда-то крайне бедных странах с высокой численностью населения (Китай, Индонезия, Индия) и стагнация доходов сравнительно бедных слоев населения в богатых странах. За 1988–2008 гг. средние доходы групп, находящиеся примерно в середине мирового распределения по доходам (от 40 до 70 перцентиля), выросли в реальном выражении примерно на 60–70 %. Доходы менее состоятельных групп населения за этот период выросли не так сильно, но в целом темпы роста их доходов превысили рост среднего дохода (около 25 %).

При этом темпы роста доходов людей, попавших в 30 % наиболее богатых, в целом ниже: от почти нуля до небольшого превышения роста среднего дохода. Здесь исключением стал 1 % самых богатых людей мира — их доход вырос на 65 %. Однако за счет стагнации доходов менее состоятельных, но все же относительно богатых граждан общий уровень неравенства сократился [2].

Второй процесс, характеризующий динамику неравенства последних лет, — рост неравенства внутри стран: взвешенный по численности населения средний индекс Джини вырос с 34 в 1988 г. до 37 в 2013 г. Среднестатистический человек сегодня живет в стране с более высоким уровнем неравенства, чем среднестатистический человек в конце

1980-х — начале 1990-х гг. [1]. Тенденция роста неравенства особенно выражена в странах с развитой экономикой. Развивающиеся страны более разнородны, и процесс экономического развития в них более специфичен. Если в развивающихся странах в среднем и можно зафиксировать общий рост неравенства, то это скорее связано с наличием ряда развивающихся экономик, где неравенство выросло очень серьезно, и более скромными изменениями (в сторону как роста, так и сокращения неравенства) в других государствах.

Развитые страны более однородны по уровню экономического развития и сущности происходящих в них экономических процессов, и наблюдающийся во многих из них рост неравенства вызывает большое беспокойство среди экономистов. МВФ в одном из недавних докладов отмечает, что за 1990–2012 гг. индекс Джини вырос в развитых странах в среднем на три пункта [3]. Именно о стагнации доходов среди сравнительно более бедных граждан развитых стран (а значит, о росте неравенства) говорят и упомянутые нами ранее свидетельства сокращения глобального неравенства.

В данной статье мы задаемся вопросом, действительно ли в развитых странах существует общий тренд на рост неравенства. Однако прежде чем перейти к его обсуждению, необходимо понять, является ли рост неравенства проблемой с точки зрения экономической эффективности и что стоит за общей тенденцией роста неравенства в развитых странах.

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ БЕСПОКОИТЬСЯ О РОСТЕ НЕРАВЕНСТВА?

Обеспокоенность проблемой растущего неравенства может быть вопросом личных убеждений о том, что справедливо. Но ответить на этот вопрос можно и с точки зрения экономической теории, в рамках которой целью обычно является рост общего богатства, а не его распределение между различными доходными группами.

Неравенство влияет на темп роста экономики, причем это влияние может быть как отрицательным, так и положительным. Наиболее очевидным каналом влияния роста неравенства на экономическое развитие является то, что увеличение разрыва в доходах наиболее богатых и наиболее бедных ведет к росту социальной напряженности. Это может вылиться в рост преступности и активизацию протестной активности. С точки зрения экономики подобная деятельность — это бессмысленная трата ресурсов, которые могли бы быть использованы более продуктивно. К тому же нестабильная обстановка приводит к сокращению инвестиций. В данном случае рост неравенства вызывает ухудшение экономической ситуации и сокращение общего благосостояния [4].

Отрицательное влияние неравенства на экономический рост также может быть обусловлено тем, что в случае роста неравенства богатое меньшинство получает больше политического влияния. Лоббирование ими своих интересов может оказывать вдвойне отрицательное влияние на экономический рост: во-первых, лоббирование не является деятельностью, создающей новый продукт, во-вторых, интересы богатого меньшинства могут расходиться с общественными. В терминологии Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона это можно охарактеризовать как движение от инклюзивных институтов в сторону экстрактивных, что не способствует ускорению долгосрочного экономического роста [5].

Несовершенство рынков капитала также может привести к появлению отрицательных последствий увеличения неравенства для экономического роста. Когда доступ к заемным средствам ограничен, инвестиционные возможности зависят от уровня богатства индивида. В таком случае беднейшие граждане не могут инвестировать в свой человеческий капитал (например, получить образование или заняться своим здоровьем), их производительность остается на невысоком уровне, что отрицательно сказывается на темпах роста [4].

С другой стороны, неравенство может и положительно влиять на темпы роста экономики. Например, если наиболее богатые домохозяйства больше сберегают, то увеличение

доли, например, 10 % богатейших домохозяйств в общем национальном доходе может способствовать росту сбережений и инвестиций, а рост инвестиций — один из драйверов экономического развития. Более того, если создание нового бизнеса требует высоких начальных вложений или отдача от образования наблюдается только после достижения достаточно высокого уровня, а доступ к заемным средствам ограничен, то большая концентрация доходов позволит реализовать больше бизнес-проектов и сильнее увеличить среднюю производительность труда, а значит, достичь более высоких темпов роста экономики [4].

Наконец, неравенство в разумных пределах может стимулировать частную инициативу. Желание улучшить свое благосостояние и перейти в более высокую доходную группу создает мотивы усердно работать, сберегать, заниматься инновационными разработками. Политика, ведущая к полному равенству доходов за счет перераспределения любых «сверхдоходов», уничтожила бы частную инициативу и сделала невозможным экономический прогресс.

Соотношение различных каналов влияния неравенства на экономическое развитие может меняться в процессе эволюции структуры экономики. Например, О. Галор и О. Моав выдвигают гипотезу о том, что для менее развитых экономик, где недостает основного капитала и важнейшим драйвером экономического развития выступает его накопление, увеличение неравенства будет положительно влиять на темпы экономического роста. Концентрация доходов в руках небольшой группы людей будет способствовать более активному инвестированию в основной капитал. Со временем, когда основного капитала становится достаточно, большую роль в экономическом развитии начинает играть человеческий капитал. Теперь усиление неравенства будет отрицательно сказываться на росте экономики. Чем менее равномерно распределено богатство, тем меньшая доля людей сможет получить образование, медицинские услуги и т. д. — тем меньшим человеческим капиталом будет обладать страна и тем медленнее будет идти ее экономическое развитие [6].

Существование множества разнонаправленных эффектов приводит к тому, что эмпирические оценки влияния неравенства на экономический рост противоречивы. Ряд исследователей отмечают, что рост неравенства ведет к падению темпов экономического роста [7–10], в то время как другие обращают внимание на возможность положительного влияния неравенства на рост экономики [11–13].

Д. Кастелмс-Куинтана и В. Ройела в недавнем исследовании предпринимают попытку согласовать противоречивые результаты предшественников и оценить положительный и отрицательный эффекты роста неравенства отдельно. Общий уровень неравенства авторы раскладывают на две компоненты: отрицательно влияющую на экономический рост (ее выделяют с помощью данных о социальной напряженности, прокси для государственного вмешательства в распределение доходов и др.) и способствующую экономическому развитию (необъясненная на прошлом этапе часть неравенства).

Оказывается, что в странах с высоким уровнем «хорошего» неравенства и низким уровнем «плохого» долгосрочный темп роста составляет 2,9 % в год, а в странах, где, наоборот, роль «плохого» неравенства велика, — всего 1 % в год. Регрессионный анализ подтверждает, что рост «плохого» неравенства снижает темпы роста экономики, а «хорошего» — увеличивает. Однако общий вклад двух компонент неравенства оказывается отрицательным [14]. Вероятно, в целом рост неравенства отрицательно сказывается на экономическом развитии, что оправдывает обеспокоенность экономистов этой тенденцией.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ТРЕНД НА РОСТ НЕРАВЕНСТВА

Последние 20–40 лет ознаменовались расширением международной интеграции, преобладанием идей о превосходстве свободных рынков, стремительным развитием

информационных и компьютерных технологий. Данные процессы вызывают озабоченность международных организаций с точки зрения их влияния на неравенство доходов.

Глобализация торговли — это источник развития экономики для многих стран, однако в ней зачастую видят и источник роста неравенства. Фирмы в развивающихся странах получают возможность перенять новые технологии, позволяющие экономить на трудовых ресурсах, а компании из развитых экономик — перенести производство в страны с более дешевыми трудовыми ресурсами. Финансовая глобализация также способна усилить разрыв в доходах различных слоев населения. Иностранные инвестиции склонны концентрироваться в отраслях, где велика доля высококвалифицированного труда и технологий, увеличивая заработную плату наиболее квалифицированных работников. Либерализация товарных рынков и рынков труда открывает для компаний возможности увеличения прибыли, снижает переговорную силу работников, и, соответственно, компании получают возможность урезать заработную плату [3].

Еще одним потенциальным источником роста неравенства выступает развитие технологий. Выгоды от технологического развития могут распределяться в обществе совсем неравномерно. Высокое вознаграждение за технологический прорыв получит либо небольшая группа энтузиастов, которая его совершила, либо и вовсе небольшая группа владельцев корпорации, в которой работали эти энтузиасты. От удешевления капитала и автоматизации, становящихся результатом технологического прогресса, также выигрывают владельцы бизнеса, а не работники компании. Кроме того, современный технологический прогресс в большей степени увеличивает эффективность высококвалифицированного труда и, соответственно, способствует росту зарплат высококвалифицированных работников [15].

Наконец, Т. Пикетти и вовсе считает неизбежным рост неравенства, т. к. это неотъемлемая часть капиталистической системы. Когда реальная ставка процента, отражающая доходность капитала, превышает темп роста экономики, неравенство растет, поскольку капиталом в целом обладает наиболее богатое меньшинство. Капитал приумножается быстрее, чем национальный доход. В таком случае пропасть между беднейшими и богатейшими гражданами только увеличивается [16].

Эмпирические свидетельства говорят о том, что рост неравенства последних лет обусловлен прежде всего технологическими изменениями, особенно это касается развитых стран. Согласно подсчетам Л. Карабарбуниса и Б. Неймана, с 1980-х гг. доля трудового дохода в общем доходе в мире сократилась на 5 п. п., и примерно половина этого падения может быть объяснена сокращением относительной цены на инвестиционные товары на 25 %, что рассматривается как следствие развития информационных и компьютерных технологий [17]. Сокращение доли трудового дохода ведет к росту неравенства, т. к. в этом случае происходит рост доли прибыли, которая концентрируется в руках наиболее богатого меньшинства. Действительно, согласно анализу МВФ, снижение доли трудовых доходов ассоциировано с ростом неравенства, измеренного при помощи индекса Джини [18].

Существенная роль технологических изменений подтверждается и одним из последних исследований МВФ. В исследовании рассматривается три группы причин, стоящих за динамикой неравенства: технологический прогресс, международная интеграция, государственная политика в отношении товарных рынков и рынка труда. В данном исследовании в качестве меры роста неравенства используется падение доли трудового дохода в суммарном национальном доходе.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большая часть сокращения доли труда в развитых странах в период 1993–2014 гг. связана с технологическим прогрессом (в качестве мер технологического прогресса используется изменение стоимости инвестиционных товаров относительно потребительских и потенциальный уровень автоматизации рабочих мест). Вклад финансовой интеграции и участия в глобальных цепочках создания

стоимости также заметен, но существенно ниже, а влияние государственной политики в отношении товарных рынков и рынка труда практически отсутствует. Для развивающихся экономик наибольший вклад в сокращение доли труда приходится на торговую интеграцию, хотя влияние технологий также значительно. Финансовая интеграция и вовсе, по оценке МВФ, способствовала росту доли труда в развивающихся странах [18].

Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон анализируют влияние «сущности капитализма» на динамику неравенства. В качестве объясняемой переменной они используют долю 1 % богатейших граждан в общем доходе, а также долю капитала в национальном доходе, а в качестве объясняющей — разницу между ставкой процента и темпом роста экономики. Корреляция между различными мерами неравенства и разницей между ставкой процента и ростом оказывается крайне слабой. Хотя вполне логично, что высокая доходность на капитал способствует росту неравенства в обществе, анализ Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона говорит в пользу того, что это не основной драйвер повышения уровня неравенства.

Более существенными факторами, определяющими динамику неравенства, авторы считают политические и экономические институты. Например, падение разницы в доходах коренного населения и приезжих европейцев в ЮАР, начавшееся в 1970-х гг., объясняется политическим ослаблением режима апартеида. А стремительное сокращение доли 1 % богатейшего населения в общем доходе в Швеции с 25–30 % в начале XX в. до 14 % в 1920 г. и менее 5 % в 1980 г. является результатом институциональных изменений: стремительного роста в перераспределении доходов в 1920-х гг. и практически полного его отсутствия в 1910-х, увеличения верхней границы предельной ставки налога на доходы физических лиц с 10 % в 1910 г. до 40 % в 1930 г. и до 60 % к 1940 г. Это, в свою очередь, стало результатом конфликта между наиболее состоятельным меньшинством и менее обеспеченными слоями населения [19].

Таким образом, глобальный тренд на рост неравенства последних лет формировался прежде всего технологическими изменениями и в меньшей степени — интеграционными процессами. Важную роль в определении динамики неравенства также играют и институциональные изменения, однако они, как правило, специфичны для конкретной страны.

В следующем разделе мы выясним, насколько выраженной оказалась глобальная тенденция увеличения неравенства в развитых странах: действительно ли последние 25 лет в подавляющем большинстве развитых стран наблюдается существенный рост неравенства, представляющий угрозу для экономического развития? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся к двум видам показателей: сначала рассмотрим динамику доходов различных групп населения в ряде развитых стран, а затем обратим внимание на изменение индекса Джини, обобщающего информацию о распределении доходов в обществе.

ДИНАМИКА ДОХОДОВ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ И РОСТ НЕРАВЕНСТВА В РАЗВИТЫХ ЭКОНОМИКАХ В ПОСЛЕДНИЕ 25 ЛЕТ

Обсуждая динамику неравенства в развитых странах в последние 25 лет, сначала обратимся к изменению доходов различных групп населения за данный промежуток времени. В качестве источника информации выберем базу данных Люксембургского исследования доходов населения. Эта база данных широко используется для расчета индекса Джини в странах с высоким уровнем доходов международными организациями и считается эталоном в этой области, т. к. получаемые в разных странах результаты можно сравнивать, не беспокоясь о несравнимости показателей [20]. В табл. 1 приведены реальные темпы роста среднего располагаемого дохода домохозяйства, скорректированного на размер домохозяйства, по децильным группам: первая группа соответствует 10 % беднейших домохозяйств, а десятая, соответственно, 10 % наиболее состоятельных. В таблицу попали 12 развитых стран, для которых доступны данные за интересующий нас период.

Таблица 1

**Реальный темп роста среднего располагаемого дохода домохозяйства
(с поправкой на количество членов домохозяйства) за 1990–2013 гг., %**

Децильная группа Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Дания	35,1	27,0	23,8	21,8	21,8	22,7	24,0	25,9	28,8	35,4
Финляндия	17,3	15,4	17,7	20,0	23,5	26,6	28,7	32,3	37,4	52,8
Германия	32,5	40,0	43,8	46,0	48,1	51,3	53,1	56,2	60,7	68,2
Израиль	-15,4	2,7	12,0	21,7	28,2	33,2	35,6	39,4	43,3	52,4
Италия	-33,2	-14,2	-12,0	-12,0	-11,2	-9,0	-7,9	-7,5	-7,0	-3,0
Люксембург	1,2	15,6	19,6	22,0	24,2	25,8	28,4	32,7	36,0	42,0
Нидерланды	32,3	14,0	14,6	13,9	13,7	13,4	12,8	11,8	12,6	14,7
Норвегия	36,9	57,8	60,6	63,2	63,8	64,1	64,8	65,5	67,6	84,1
Испания	-10,4	15,6	22,7	27,4	32,6	36,1	38,4	40,7	42,6	43,6
Швейцария	56,7	13,1	12,0	12,3	13,1	13,3	13,6	12,5	12,2	7,6
Великобритания	65,5	67,8	59,8	50,7	46,0	44,2	43,6	42,8	42,9	55,3
США	9,3	12,7	9,7	9,0	9,8	11,0	12,7	14,7	18,0	29,8

Примечание: располагаемый доход домохозяйства рассчитывается в долл. США (по ППС) 2011 г. как суммарный денежный и натуральный доход домохозяйства за вычетом налогов и взносов на социальное страхование, после чего корректируется на размер домохозяйства. В таблице приведено изменение среднего дохода децильных групп домохозяйств за период между третьей и девятой волной обследования. Третья волна обследования проводилась с 1988 по 1992 г., т. е. примерно в 1990 г. Девятая волна обследования проводилась с 2012 по 2014 г., т. е. примерно в 2013 г.

Источник: рассчитано авторами по Luxembourg Income Study Database (<http://www.lisdatacenter.org/our-data/lis-database/>).

В большинстве стран темп роста реальных доходов выше для групп с более высоким уровнем дохода, что означает увеличение неравенства. Разница в динамике доходов различных групп особенно велика в Израиле: доходы 10 % наиболее состоятельных домохозяйств выросли на 52,4 %, в то время как доходы 10 % беднейших сократились на 15,4 %. Только в Швейцарии и Великобритании темп роста выше для менее обеспеченных домохозяйств (исключая десятую децильную группу в Великобритании). В Дании и Нидерландах сложно выделить какую-либо взаимосвязь между темпами роста благосостояния и уровнем дохода.

Основываясь на данной информации, мы действительно можем заключить, что в большинстве из рассмотренных стран неравенство выросло, причем довольно существенно. Однако необходимо отметить, что количество стран, доступных для анализа, невелико — всего 12. Хотя изучение динамики доходов различных групп населения — один из самых наглядных способов анализа изменения уровня неравенства, мы дополним его обсуждением динамики индексов Джини, данные по которым доступны по более широкому кругу развитых стран.

Прежде чем перейти к анализу изменения индексов Джини в развитых странах за последние 25 лет, отметим, что увеличение разрыва в доходах между различными группами населения в развитых странах не означает, что беднейшие граждане развитых стран на сегодняшний день стали жить хуже, чем жили в начале 1990-х гг. Из анализа таблицы следует, что лишь в трех из 12 стран за период с 1990 по 2013 г. реальный располагаемый доход 10 % беднейших домохозяйств сократился. При этом в одной из этих трех стран, в Италии, реальный располагаемый доход сократился не только для беднейших 10 % домохозяйств, но для всех групп.

Рост среднего дохода домохозяйств в Италии до мирового финансового кризиса был не слишком высоким, да и после кризиса экономическая ситуация оставляла желать

лучшего: в 2009 г. экономика сократилась на 5,5 %, рецессия продолжилась в 2012–2013 гг., в 2014 г. реальный ВВП вырос лишь на 0,1 %, после чего экономика вышла на рост примерно 0,8 % в год¹.

В остальных девяти странах, где в процессе экономического развития выиграли все слои населения, темп роста располагаемого дохода 10 % беднейших домохозяйств в среднем составил 31,9 %. В Люксембурге доход беднейших 10 % вырос лишь формально (на 1,2 %), однако в других случаях рост был достаточно значительным: от 9,3 % в США до 65,5 % в Великобритании. В других доходных группах также наблюдался достаточно значительный рост дохода (кроме Италии). Хотя выгоды от экономического развития в анализируемых развитых странах в целом распределяются неравномерно, беднейшие слои населения в среднем стали жить лучше, чем в начале 1990-х гг.

Для анализа динамики индекса Джини в развитых странах мы используем базу данных Ф. Солта Standardized World Income Inequality Database 5.1. Мы рассматриваем изменение индекса Джини за 1990–2015 гг., определив индекс Джини за 2015 г. как последнее доступное значение индекса за период 2013–2015 гг., индекс Джини за 1990 г. — как первое доступное значение индекса за период 1990–1992 гг. Количество стран с развитой экономикой, данные по которым доступны для анализа, — 33 (для определения развитых экономик использована классификация МВФ).

Интересной особенностью индекса Джини является то, что его рассчитывают многие организации, используя различную методику. В итоге мы можем получить сразу несколько оценок неравенства, но с большой долей вероятности они окажутся несравнимы.

Тем не менее всю эту информацию можно использовать. Благодаря наличию различных оценок неравенства можно оценить потенциальную погрешность в точечной оценке показателя. Это было сделано Ф. Солтом, который, используя как эталон индексы Джини, публикуемые по результатам Люксембургского исследования доходов населения, и другие качественные расчеты индекса Джини, сконструировал обширную базу с оценками неравенства в различных странах. Осуществив большой объем работы с данными, он получил базу, состоящую из сравнимых между собой индексов Джини, а также оценок потенциальной погрешности в рассчитанных индексах.

Необходимо отметить, что за высокой погрешностью точечной оценки неравенства в базе данных Ф. Солта могут стоять как выявленные его методиками неточности в различных оценках неравенства, так и потенциальные несовершенства его методологии, однако вклад последних представляется ограниченным (по крайней мере в случае развитых стран). Вывод о разумности предложенных Ф. Солтом методик обработки информации каждый может сделать самостоятельно, изучив соответствующую публикацию [20], однако отметим, что составленная им база используется в докладах международных организаций и исследованиях различных экономистов [11; 21].

С 1990 по 2015 г. чистый индекс Джини, рассчитанный по располагаемому доходу, скорректированному на уплаченные налоги и полученные трансферты, вырос в развитых странах в среднем на 3,6 пункта, до 30,3. Рост неравенства наблюдался в 25 странах нашей выборки (76 % стран), а в восьми оно сократилось (24 % стран). Однако если учесть потенциальную погрешность в рассчитанных индексах Джини, то выводы о динамике общего уровня неравенства в развитых странах меняются довольно существенно.

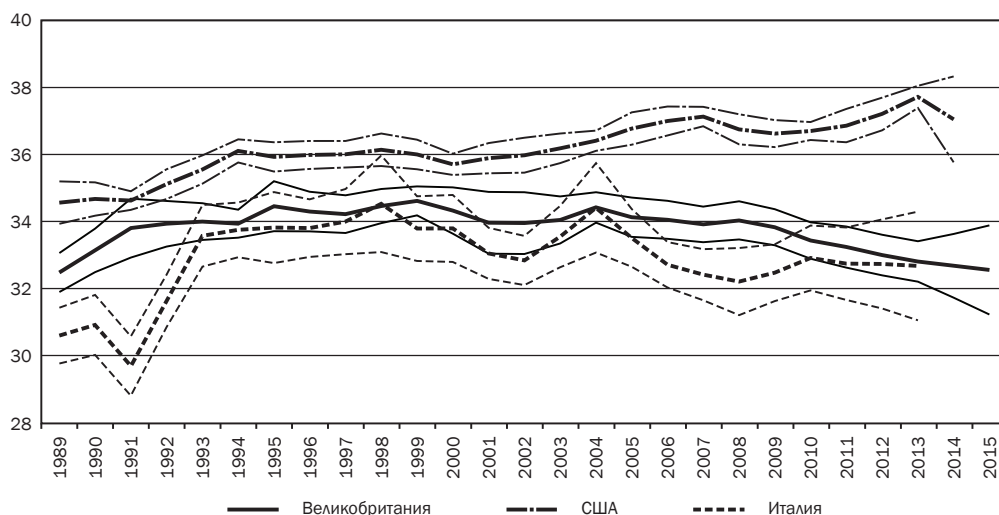
Продемонстрируем, как учет неопределенности в оценке индекса Джини влияет на вывод о динамике неравенства, на примере стран большой семерки (кроме Японии, т. к. для нее нет актуальных данных в используемой базе данных), а затем приведем результаты анализа для всей группы развитых стран. На рис. 1 и 2 изображена динамика чистого индекса Джини, рассчитанного по располагаемому доходу после налогов и трансфертов,

¹ International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. April 2017 Edition.

для Великобритании, США, Италии, Франции, Канады и Германии. Помимо оценки чистого индекса Джини на графиках изображены 95-процентные доверительные интервалы (примерно ± 2 стандартные ошибки оценки индекса).

Рисунок 1

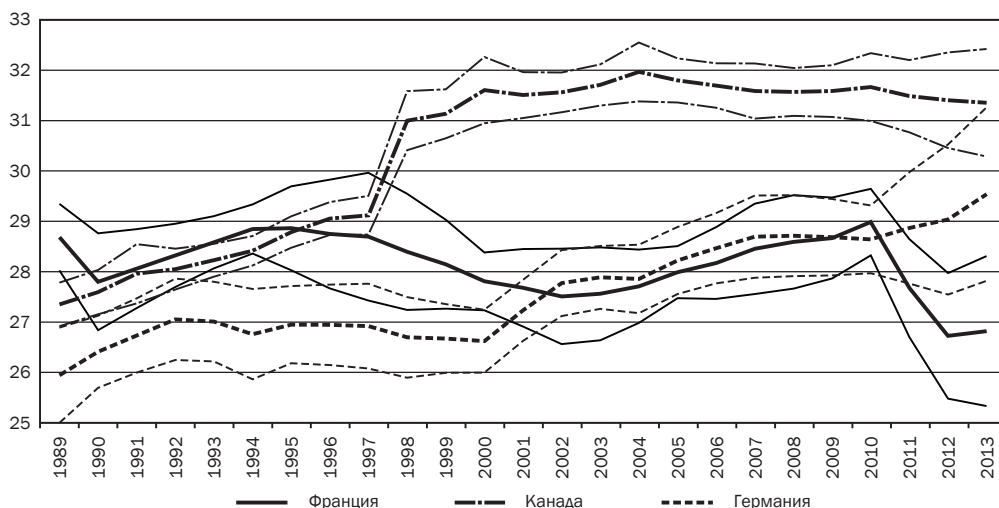
Динамика индекса Джини (по располагаемому доходу) в Великобритании, США, Италии в 1989–2015 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным Standardized World Income Inequality Database 5.1.

Рисунок 2

Динамика индекса Джини (по располагаемому доходу) во Франции, Канаде, Германии в 1989–2013 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным Standardized World Income Inequality Database 5.1.

В США чистый индекс Джини вырос с 34,7 в 1990 г. до 37,0 в 2014 г., при этом мы можем почти наверняка быть уверенными, что индекс Джини действительно вырос за этот период. В Канаде и Германии индекс Джини также статистически значимо вырос за данный период. В Канаде основной рост неравенства пришелся на конец 1990-х гг., после

чего индекс Джини оставался примерно на том же уровне, а в Германии неравенство постепенно увеличивалось, начиная с 2001 г.

В Италии чистый индекс Джини увеличился с 30,9 в 1990 г. до 32,7 в 2013 г., однако мы не можем с уверенностью утверждать, что неравенство в Италии выросло: доверительные интервалы оценок в 1990 г. и 2013 г. пересекаются. Если в период с 1993 по 2006 г. неравенство было действительно существенно выше, чем в 1990 г., то после этого оно сократилось, и, опираясь на базу данных Ф. Солта, мы не можем утверждать, что теперь оно значимо выше, чем было в начале 1990-х.

Во Франции и Великобритании точечные значения чистого индекса Джини и вовсе уменьшились по сравнению с 1990 г. В Великобритании некоторое время наблюдался тренд на рост неравенства (впрочем, незначимый), однако затем величина индекса Джини начала снижаться. Во Франции оценка неравенства колебалась вокруг примерно одного уровня, существенно снизившись после 2010 г. Тем не менее в обоих случаях мы не можем с уверенностью сказать, что текущее значение индекса Джини отличается от значения в 1990 г. Итак, лишь в трех странах большой семерки (без учета Японии) неравенство значимо выросло в период 1990–2015 гг.

Теперь обратимся к полной выборке из 33 развитых стран. Если учитывать только значимые изменения (т. е. когда доверительные интервалы оценок индекса Джини в 1990 г. и в 2015 г. не пересекаются), то мы можем говорить о росте неравенства в 17 странах (52 %) и о сокращении неравенства в двух странах (см. табл. 2).

Таблица 2

Классификация развитых стран по динамике неравенства

Значимый рост неравенства	Уровень неравенства остался примерно на том же уровне	Значимое сокращение неравенства
Австрия	Великобритания	Дания
Финляндия	Австралия	Ирландия
Латвия	Греция	
Испания	Исландия	
Тайвань	Нидерланды	
США	Новая Зеландия	
Канада	Португалия	
Кипр	Бельгия	
Чехия	Франция	
Эстония	Италия	
Германия	Южная Корея	
Израиль	Норвегия	
Литва	Сингапур	
Люксембург	Швейцария	
Словакия		
Словения		
Швеция		

Источник: составлено авторами по данным Standardized World Income Inequality Database 5.1.

Таким образом, мы не можем утверждать, что в большинстве развитых экономик наблюдается существенный рост неравенства — это можно сказать примерно о половине стран в выборке. Для половины развитых экономик рост разрыва в доходах различных групп населения является действительно существенной проблемой, в то время как для остальных увеличение или сокращение индекса Джини находится в пределах статистической погрешности (кроме Дании и Ирландии, где неравенство существенно сократилось).

Интересно отметить, что шесть стран, где за 1990–2015 гг. существенно выросло неравенство, имеют социалистическое прошлое и как раз обрели независимость в начале 1990-х. Это Латвия, Чехия, Эстония, Литва, Словакия и Словения. Стоит предположить, что в их случае немалую роль в росте неравенства сыграли эти исторические события.

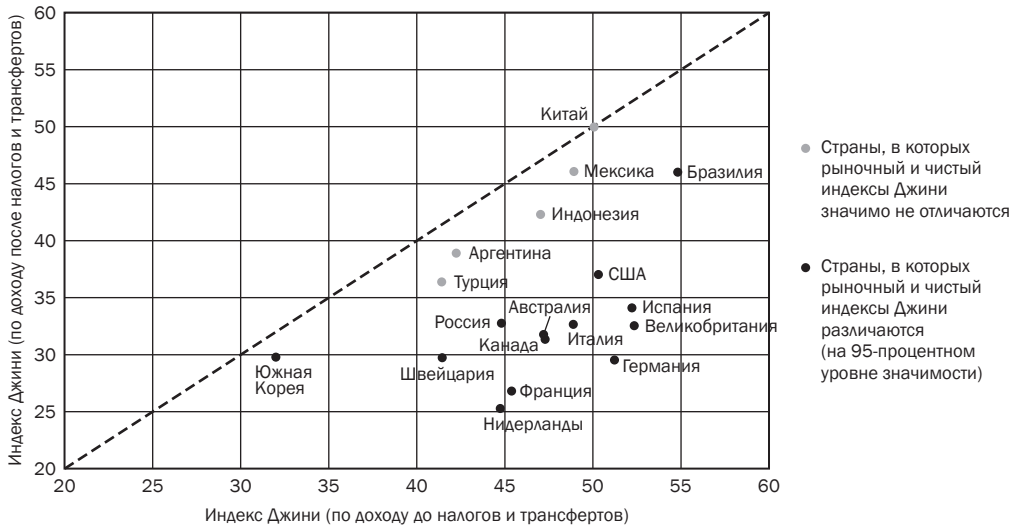
Если исключить из группы стран со значительным ростом неравенства страны с социалистическим прошлым и сравнить их с группой стран, где неравенство осталось на том же уровне, то мы увидим, что темпы роста за период 1990–2015 гг. примерно одинаковы (рост в 2,1 и в 2,0 раза в среднем по группе). Если исключить из сравнения Южную Корею, Израиль и Тайвань, темп роста которых был заметно выше, чем в других странах в выборке, то мы опять же не увидим существенной разницы в темпах роста (1,8 и 1,9). Это же касается и такого показателя, как уровень ВВП на душу населения (по ППС). Среднее значение в группе стран, где наблюдался существенный рост неравенства, составляет \$48 тыс. (по ППС) в 2015 г., а по группе стран с примерно неизменным уровнем неравенства — \$46 тыс. Если исключить Сингапур и Люксембург с крайне высокими значениями ВВП на душу населения, в первой группе получим среднее значение \$43,5 тыс., а во второй — \$43 тыс.²

Таким образом, эти две группы стран можно признать относительно однородными по уровню экономического развития. Тем не менее в одних странах рост неравенства оказался заметным, а в других — гораздо слабее. Динамика неравенства в существенной степени определяется структурой экономики и институциональными особенностями. В итоге в то время как в одних странах тренд на рост общего уровня неравенства получает развитие, в других проявление факторов, толкающих уровень неравенства вверх, ограничено.

Одним из специфических факторов является масштаб перераспределительной политики, которую решает государство. Например, по подсчетам ОЭСР, в Великобритании и Франции в последние годы наблюдается усиление перераспределения, в то время как в США масштаб перераспределения снизился по сравнению с 2010 г. [22]. Масштаб влияния государства на распределение доходов в обществе в различных странах продемонстрирован на рис. 3. На нем мы соотнесли уровень неравенства в доходах до налогообложения и получения трансфертов (рыночный индекс Джини) и уровень неравенства в доходах с учетом налогов и трансфертов (чистый индекс Джини).

Рисунок 3

Рыночный и чистый индексы Джини по состоянию на 2013–2015 гг. (последний год из доступных)

Примечание: на рисунке изображены рыночный и чистый индексы Джини для стран, которые входят в топ-20 по количеству населения, в топ-20 по доле в мировом ВВП или в группу стран «Большой двадцатки». Источник: рассчитано авторами по данным Standardized World Income Inequality Database 5.1.

² Рассчитано авторами по базе данных МВФ World Economic Outlook Database, April 2017 Edition.

Как видно из рисунка, во многих из крупнейших экономик государство довольно активно вмешивается в распределение доходов населения. В Китае, Мексике, Индонезии, Аргентине и Турции чистый и рыночный индексы Джини отличаются несущественно, однако в остальных странах чистый индекс Джини заметно ниже рыночного. В Германии рыночный индекс Джини достигает 51 пункта, а чистый только 30. В Великобритании индексы равны 52 и 33 соответственно.

В развитых странах, где чистый индекс Джини вырос за 1990–2015 гг., средний рост рыночного индекса Джини составил 9,3 пункта, а чистого индекса — 5,3 пункта, что существенно ниже. Таким образом, можно сказать, что государственная политика позволяет в определенной степени сдерживать рост неравенства среди населения. В то же время единственной страной, где значимо вырос рыночный индекс Джини, а изменение чистого индекса Джини оказалось незначимым, является Италия. Отчасти это обусловлено большей стандартной ошибкой рыночных индексов Джини (они измерены менее точно, чем чистые), а отчасти — ограниченным влиянием государственной политики на изменение уровня неравенства в рассматриваемый период.

Таким образом, динамика неравенства в развитых экономиках далеко не так однородна, как может показаться на первый взгляд. Хотя можно говорить об общем тренде на рост неравенства в связи с технологическим прогрессом и международной интеграцией, особенности внутренней политики и другие характеристики институционального развития в значительной мере влияют на динамику неравенства, в одном случае усиливая эффект глобального тренда на рост неравенства, а в других случаях существенно ограничивая его проявление.

Тот факт, что технологический прогресс, глобализация торговых и финансовых потоков — процессы, которые стали неотъемлемой частью современного экономического развития и, вероятно, в среднесрочной перспективе будут только набирать силу — склонны способствовать росту неравенства, вызывает беспокойство как с точки зрения того, насколько это справедливо, так и с точки зрения возможного негативного влияния на экономическое развитие. На сегодняшний день проявление глобальной тенденции роста неравенства на горизонте последних 25 лет ограничено: только в половине развитых стран мы находим подтверждение существенному росту неравенства. Тем не менее в будущем можно ожидать усиления данной тенденции.

Хотя в последнее время и наблюдается рост протекционистских настроений, они едва ли способны переломить существующий уже много лет курс на глобализацию — потери от протекционистских мер окажутся слишком велики. Остановить технологический прогресс и вовсе невозможно. Тем временем автоматизация производства, по подсчетам PwC, к началу 2030-х гг. может уничтожить 30 % рабочих мест в Великобритании. В США это 38 % рабочих мест, в Германии — 35 %, в Японии — 21 % [23]. Это несет в себе огромные риски роста неравенства и, соответственно, социальной напряженности.

В нашем представлении наилучший ответ на этот вызов состоит не в слепом масштабном перераспределении, а в выборе мер, которые минимизируют отрицательные последствия неравенства и сокращают недовольство проблемой неравенства в обществе (на фоне усиления перераспределительной политики в разумных масштабах); такие меры, разумеется, будут различными для каждой отдельной страны в зависимости от структуры ее экономики и целей ее развития.

Первое важное направление — создание институциональной среды, которая предотвращает трансформацию богатства в неограниченное политическое влияние, а также обеспечивает большую роль навыков, умений, усилий и талантов, а не знакомств в определении доходов. Инклюзивные институты способны обеспечить как большую эффективность экономики в целом, так и более справедливое распределение выгод от экономического развития. Эмпирические исследования подтверждают, что улучшение качества институциональной среды ведет к сокращению неравенства [24]. Кроме того, люди, которые верят

в то, что усердие, навыки и таланты вознаграждаются, склонны более терпимо относиться к неравенству [25]. До тех пор пока большие доходы отдельных людей являются следствием напряженной работы, особенных знаний и умений, неравенство не является проблемой — это результат справедливого вознаграждения. Среди желаемых институциональных характеристик — ограничение лоббирования и коррупции, обеспечение конкуренции.

Второе направление — обеспечение равных возможностей. Как обсуждалось ранее, одним из негативных последствий неравенства доходов являются недостаточные инвестиции в человеческий капитал со стороны беднейших домохозяйств. Предоставление беднейшим домохозяйствам больше возможностей инвестировать в человеческий капитал, с одной стороны, повышает эффективность экономики, а с другой — снижает недовольство неравенством в обществе.

Библиография / References

1. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank, 2016, 170 p.
2. Lakner C., Milanovic B. Global Income Distribution: from the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession. *World Bank Economic Review*, 2016, vol. 30 (2), pp. 203–232.
3. Dabla-Norris M. E., Kochhar M. K., Suphaphiphat M. N., Ricka M. F., Tsounta E. Causes and Consequences of Income Inequality: a Global Perspective. Washington, DC: International Monetary Fund, 2015, 39 p.
4. Barro R. J. Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*, 2000, vol. 5 (1), pp. 5–32.
5. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 696 с. [Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty. Moscow: AST Publ., 2016, 696 p. (In Russ.)].
6. Galor O., Moav O. From Physical to Human Capital Accumulation: Inequality and the Process of Development. *The Review of Economic Studies*, 2004, vol. 71 (4), pp. 1001–1026.
7. Perotti R. Growth, Income Distribution, and Democracy: What the Data Say. *Journal of Economic Growth*, 1996, vol. 1 (2), pp. 149–187.
8. Benabou R. Inequality and Growth. *NBER Macroeconomics Annual*, 1996, vol. 11, pp. 11–74.
9. Easterly W. Inequality Does Cause Underdevelopment: Insights from a New Instrument. *Journal of Development Economics*, 2007, vol. 84 (2), pp. 755–776.
10. Ostry J. D., Berg A., Tsangarides C. G. Redistribution, Inequality, and Growth. Washington, DC: International Monetary Fund, 2014, 30 p.
11. Li H., Zou H. F. Income Inequality is not Harmful for Growth: Theory and Evidence. *Review of Development Economics*, 1998, vol. 2 (3), pp. 318–334.
12. Forbes K. J. A Reassessment of the Relationship between Inequality and Growth. *American Economic Review*, 2000, vol. 90 (4), pp. 869–887.
13. Voitchovsky S. Does the Profile of Income Inequality Matter for Economic Growth? *Journal of Economic Growth*, 2005, vol. 10 (3), pp. 273–296.
14. Castells-Quintana D., Royuela V. Tracking Positive and Negative Effects of Inequality on Long-run Growth. Research Institute of Applied Economics. Working Paper 2014/01, 30 p.
15. Machin S. The Changing Nature of Labour Demand in the New Economy and Skill-Biased Technology Change. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 2001, vol. 63, s. 1, pp. 753–776.
16. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с. [Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2015, 592 p. (In Russ.)].
17. Karabarbounis L., Neiman B. The Global Decline of the Labor Share. *The Quarterly Journal of Economics*, 2013, vol. 129 (1), pp. 61–103.
18. World Economic Outlook. Gaining Momentum? Washington, DC: International Monetary Fund, 2017, 238 p.
19. Acemoglu D., Robinson J. A. The Rise and Decline of General Laws of Capitalism. *The Journal of Economic Perspectives*, 2015, vol. 29 (1), pp. 3–28.
20. Solt F. The Standardized World Income Inequality Database. *Social Science Quarterly*, 2016, vol. 97 (5), pp. 1267–1281.
21. Dorn F. On Data and Trends in Income Inequality around the World. *CESifo DICE Report*, 2016, vol. 14 (4), pp. 54–64.
22. Income Inequality Remains High in the Face of Weak Recovery. Organization for Economic Co-operation and Development, 2016, 6 p.
23. UK Economic Outlook March 2017. PricewaterhouseCoopers, 2017, 51 p.
24. Chong A., Gradstein M. Inequality and Institutions. *The Review of Economics and Statistics*, 2007, vol. 89 (3), pp. 454–465.
25. Suhrcke M. Preferences for Inequality: East vs. West. *Innocenti Working Paper*, 2001, no. 89.

Авторы

Лазарян Самвел Сергеевич, советник директора Научно-исследовательского финансового института
(e-mail: lazaryan@nifi.ru)

Черноталова Мария Андреевна, лаборант-исследователь Центра перспективного финансового планирования, макроэкономического анализа и статистики финансов Научно-исследовательского финансового института
(e-mail: mchernotalova@nifi.ru)

S. S. Lazaryan, M. A. Chernotalova

Global Risk of Rising Inequality

Abstract

This article addresses the problem of rising income inequality in developed countries. According to the latest research, although inequality can influence economic growth both positively and negatively and existence of both channels has been confirmed empirically, currently negative impact of income inequality on growth dominates. During the last 25 years technological progress and, to a lesser extent, global integration have been shaping a global trend of rising income inequality. Empirical evidence suggests that impact of these processes on income inequality has been uneven across various countries, and in 50 % of developed countries we do not find significant increase in income inequality during the last 25 years. At the same time, given that technological progress, automatization, trade and financial integration will probably gather pace, we should expect a more pronounced increase in income inequality in most of countries over the medium term. Improving quality of institutions and providing equal opportunities to all members of society should be the key components of policy response to this global risk of rising income inequality.

Keywords:

income distribution, inequality, Gini index, technological progress, globalization

JEL: O15

Authors' affiliation:

Lazaryan Samvel S. (e-mail: lazaryan@nifi.ru), Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation

Chernotalova Mariya A. (e-mail: mchernotalova@nifi.ru), Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation